

АНАСТАСИЯ ВАСИЛЬЕВА

ТАКИЕ РАЗНЫЕ СЮЖЕТЫ

РАССКАЗЫ

СТЕРВА

— Это ещё кто? Что за чучело ты притащила на этот раз? Лучше б мужика себе нашла! — Я фыркнул и, оскалившись, демонстративно прошагал на кухню.

— Нечего ворчать, рыжая морда! — крикнула мне вслед Ася. — Между прочим, я тебя тоже на улице подобрала, и ничего! Вон какую физиономию отъел!

Я с презрением оглянулся. Чего? Ещё и попрекаешь, крашеная? Пусть эта зелёная мелкая курица держится подальше от моей миски!

— Ты не обращай на него внимания, — шепнула зелёной курице Ася. — Пока посидишь в моей комнате, а завтра я тебе клетку куплю, и будет у тебя своё жильё.

И главное, ещё так аккуратненько берёт его руками и запускает в мою просторную спальню с цветастыми занавесками. Не хрустальный — не развалится! Хороша хозяйка, ничего не скажешь. Шляется всё время непонятно где, а я один с утра до ночи, как перст. Не с кем словом даже обмолвиться, кроме этих паскудных голубей за окном, да и те тупые, как пробки. Вот ещё какую-то шваль пернатую притащила, может, он вообще заразный. Нет, чтоб мужика себе найти поприличнее, там, глядишь, и детки б пошли! Года

ВАСИЛЬЕВА Анастасия Сергеевна родилась в Москве в 1983 году. Окончила Государственный университет управления. Работает в представительстве швейцарской компании менеджером фрахтово-логистического отдела. Публиковалась в сборнике стихотворений для детей "Детские думы" и в сборнике детективных и приключенческих рассказов "Куда ведут следы?" издательства "Перископ-Волга". Живёт в Москве.

Но амазон лишь недовольно шипел в ответ.

— Бьёшься как рыба об лед, хочешь, как лучше сделать, а всё равно — стерва! — всхлипнула Ася.

— К деньгам! — крикнул попугай.

— Ладно, над именем я ещё подумаю. Вот, смотри какой у меня вкусный грецкий орешек есть. Я его положу в твой новый домик, обживайся.

Ася встала и вышла, прикрыв дверь. Амазон тут же слетел на тумбочку и деловито прошагал внутрь. Подробно изучая содержимое каждой миски и недовольно ковыряясь когтями в семенах, он и не заметил, как в комнате снова появилась Ася и закрыла дверь клетки.

— Ну, вот и отлично! — воскликнула она. — Теперь будешь жить на кухне, а то я из-за тебя всю ночь не спала. А там и света побольше, и мешать никому не будешь, да и с Рыжим всё веселее, через клетку-то он до тебя не доберётся. Эй, Рыжий! Если ты хоть пальцем тронешь моего Амазону или будешь докучать ему, я тебя изолирую в туалете!

Я вскинул ошарашенные глаза на хозяйку, возмущению моему не было предела. Спасибо, люди добрые! Дожили! Как перхоту эту уличную — так на кухню, к продуктам поближе, а как меня — доброго, ласкового, ручного котика, который и мухи не обидит! — так в туалет... Ну, погоди у меня, змея! Я такой струи подпущу в твои новые туфли, что не обрадуешься! Мало того, что мужиков меняет, как перчатки, так теперь ещё и домашних питомцев! А я что, всё? Отработанный материал? Попользовали и выбросили! Ну, ничего, жизнь тебе за всё отомстит! Будет тебе венец безбрачия, тогда поскачешь у меня! И главное, я просто “Рыжий”, а то ещё и “рыжая морда”, а этот, второй день живёт в моей законной двужке, так уже “Амазона”, возится с ним, как с писаной торбой! Тьфу!

Не глядя на эту неблагодарную женщину, я вышел в коридор и развалился в самом дальнем углу, упершись взглядом в стену. Мой хвост недовольно ходил ходуном. Всем своим внешним видом я давал понять этой предательнице, насколько глубока была нанесённая обида.

— Да идите вы все к черту! — крикнула Ася и хлопнула дверью спальни.

Прошло несколько дней. Амазон сидел на жёрдочке нахохлившись и с интересом смотрел на жизнь за стеклом. Там, где-то вдалеке бежали по своим неотложным делам люди, гудели машины, любопытные голуби расхаживали по карнизу, то и дело заглядывая в окно. В клетке лежало много всяких вкусностей: и фрукты, и орехи, и даже целое кольцо, усыпанное сухой кукурузой и разноцветными семечками. Голубям очень хотелось попасть на такой “праздник живота”, но, тыкаясь клювом в стекло, эти дури с грустью осознавали, что вряд ли им удастся добраться хоть до одного, даже самого малюсенького зёрнышка.

Амазон не обращал на них никакого внимания. Смотри, зелень, как это делается! Я опрометью бросился на подоконник, злобно зашипел, голуби с испугом вспорхнули прочь и, приземлившись на бордюр ближайшего балкона, продолжали с интересом наблюдать за мной.

Летающие крысы! Терпеть не могу! Вечно ищут, где бы на халяву пожрать. А где поели — там и нагадили. Вон, смотри, уже и нам на подоконник наложили “подарков”. Куда смотришь? Свой дом надо охранять. Чуть заеваешься — и привет! Всё вынесут и обгадят.

Амазон молчал. В углу зажуужал проснувшийся от припекающего солнышка Жоржик. Он подлетел к окну, ударился о стекло и, покружив ещё немного, сел на железный прут клетки. Затем, потихоньку начал сползать вниз к мискам с едой. Попугай повернул голову и стал пристально наблюдать за ним. Как только Жоржик приблизился к ломтику банана, амазон резко вспорхнул с жёрдочки и ударил клювом по прутьям. Жорж снова взвился к стеклу.

— Эй, ты чуха? Жоржик хоть и муха, но наша домашняя муха!

Амазон удивлённо поднял на меня свои глазщи.

— Ну, чего выдунился? Играю я с ним, когда скучно. Он на зиму тут заснул, а сейчас на солнышке ожил. Наша-то, грязнуха, окна вообще не

моет. К вечеру Жоржиньо совсем в себя придёт, так можно его и по квартире погонять, косточки размять.

— Раз это твой друг, то пусть он из твоей миски и ест. А у меня тут нечего заразу разносить. Мухи, между прочим, по помойкам лазают, по тухлятине ползают. Отравиться можно!

— Это домашняя муха, нет у нас тут ни тухлятины, ни помоек! Жоржа не тронь!

Амазон сердито вздохнул и полез лущить семечки.

Вечером заявила с работы Аська. Не раздеваясь, в расстроенных чувствах, прочапала на кухню. Я нехотя слез с кровати и пошёл посмотреть, что эта макака притащила из магазина в шуршащем пакете. А вдруг рыбку?

Мать моя, кошка дворовая! Куда ж ты эклеры-то так ломишь? Ты ж на диете вчера была! Опять джинсы не сойдутся!

— Чего смотришь, морда рыжая? Тоже хочешь? На кусочек.

Я отскочил в сторону от пикирующего на пол эклера и даже не стал нюхать ломтик с шоколадной глазурью. Я что, больной? С недоумением посмотрел я на готовую разреветься хозяйку. Химию эту жрать с эмульгаторами и сплошными Е! Спасибо, кушайте сами! Хватит с меня того, что питаюсь одной индейкой, выращенной на ГМО и обколотой антибиотиками! Хоть бы раз кусочек сёмги предложили или тунца! Эх, пусть даже с ртутью!

Мой отказ разделить с ней этот нашпигованный химией эклер и презрительный долгий взгляд, видимо, были последней каплей, прорвавшей лавину слёз Асиного отчаяния.

Опять ревьёт! Гляньте-ка на эту Царевну Несмеяну! На этот-то раз что приключилось?

Она не отвечала, только всхлипывала, не переставая, а потом вдруг недовольно выпалила:

— Ну, чего ты на меня так уставился?

Чучела ты бесчувственная! У меня, может, душа разрывается, когда женщина плачет!

Она вытащила из кармана пальто смятую бумажку и, развернув её, сунула мне прямо в морду.

— Вот, полюбуйся, Рыжий. Иду я сейчас в “Копеечку” за продуктами, а там объявление висит, что пропал попугай зелёный. И — фотография нашего амазончика!

Я посмотрел на зелёную рожу с мятой бумажки. Ну, что ж, похож! Такой же страшный, глаза навывкате!

— Гошенька его зовут, оказывается. Хозяйка у него — старушка с параллельной улицы. Пишет, что последняя отрада её в жизни, память об ушедшем муже. И телефон тут указан. Звонить Павлу, номер такой-то. Сын, наверное.

Так, а вот это уже интересно. Эх, говорить-то я не могу. Что же делать? Я максимально приблизился к Аське и, пристально глядя ей в глаза, начал внушать: “Звони! Пусть приходят! Пусть приходят! Пусть приходят!”

— Придётся вернуть! А я к нему так привыкла, он мне как родной стал за эти дни. Я последние деньги на клетку истратила!

Дура ты, дура! Лучше б ты маникюр себе сделала на эти деньги или платье новое купила! Может, тогда б на тебя хоть кто-нибудь позарился! Развела тут птицеферму! Да от него грязь одна! Вон, обои все разорвал за тумбочкой, плинтуса сгрыз, перхоть от него летит, не переставая, жрёт, как свинья в хлеву — во все стороны брызгает! Не то, что я, аккуратист. Гнать его в шею! Тем более что и хозяйка нашлась, да ещё и с сыном — так всё удачно складывается! Погостил недельку — и хватит!

— Как жить дальше — не знаю! — голосила Ася. — Все от меня уходят, нет счастья в жизни!

— Стер-р-р-р-рва! Всю жизнь мне испор-р-р-ртила! — раскрыв клюв и махая грозно крыльями, заорал амазон.

— Вот! — показывая пальцем на попугая, всхлипывала Ася. — Даже он меня стервой считает, а я к нему со всей душой!

Я вскочил и зашипел, выгнув дугой спину. А на хрена к каждому со всей душой! Нечего всякий сброд с улицы домой тащить, а потом удивляться! Ты к ним со всей душой, а они тобой только пользуются! Помогла — молодец, доброе дело сделала, а теперь пусть к себе домой отправляется! Там бабка на пенсии, ей заняться нечем, вот пускай грязь за ним целыми днями и вывозит! А тебе, дура, замуж надо выходить! Ребёночка душистого рожать. Он своими криками нам уже с порога всех женихов распугает! От попугая надо срочно избавляться!

— Ладно, Рыжий, ещё немного подожду, а потом позвоню, — стягивая наконец пальто, прошептала устало Ася.

Через день в нашем скромном жилище раздался звонок. Всё моё кошачье нутро чувствовало, что сегодня момент истины, уже хотя бы потому, что хозяйка в кои-то веки удосужилась навести порядок в доме. Что-то должно произойти! В нежно-голубом платье в мелкий цветочек и с тёмными волосами, завитыми в лёгкие локоны, Аська была само очарование. Поправив макияж и оглядев себя придирчиво в зеркало с ног до головы, она поспешила открыть входную дверь. Я с любопытством наблюдал за всем этим действием из-за угла.

На пороге показалась сухая старушенция с гулькой седых волос на голове, а за её спиной — не поверите! — мужик. Господи, неужели котский бог услышал мои молитвы? Аська вся зарделась, глазки потупила, подол платья в руках мнёт, прям сама скромность. Откуда только что берётся?

— Ой, вы извините, что я не одна, — проскрипела старуха, — давление совсем замучило, как Гошенька-то улетел, слегла так, что думала, и не встану уже! Вот, сына моего, Пашеньку, попросила проводить меня, а то я одна изумрудика моего домой не донесу.

Аська, красная, как помидор, хлопала радостно глазами то на старуху, то на Пашеньку, потом очухалась и выпалила:

— Да вы проходите, проходите, на кухню!

— Стер-р-рва! — тут же радостно разнеслось по квартире.

Я юркнул скорее под стол, чтоб меня не загоптало гостевое стадо.

Старуха бросилась к клетке открывать скорее дверцу. Амазон-фармазон тут же вышел из своего убежища и, важно зашагав по руке Людмилы Петровны (так, оказывается, звали старуху с гулькой), уселся на плече и сталковырять клювом её резную серёжку с бирюзой.

— Радость-то какая! — причитала старушенция. — Счастье в дом возвращается!

— Садитесь за стол, сейчас чай пить будем, — улыбалась Ася.

— Асенька, да как же вы его поймали-то? Обычно он чужих вообще не подпускает! Шипит, клювом щёлкает, может и до крови палец расцечь! — восклицала Людмила Петровна.

— Представляете, иду я после работы по тёмной аллее в “Копеечку”, думаю, что бы, мне такого купить: мороженого или эклеров? Я и то, и другое просто обожаю. И вдруг слышу прямо надо моей головой: “Стер-р-р-рва!” Я вздрогнула от неожиданности и остановилась. Смотрю по сторонам — ни души, даже бомжей нет, которые днями напролёт что-то весело отмечают на деревянной скамейке. Ну, я с облегчением выдохнула: почудилось! И собралась уже было двинуться дальше, как вновь слышу: “Стерва! Всю жизнь мне испортила!”

— Да, это классические его слова! — воскликнула Людмила Петровна.

— Тут мне как шмякнется что-то белое и противное на плечо, и голос как заорёт: “К деньгам!” Я поднимаю голову и вижу: прямо надо мной сидит попугай на ветке, такой красавец, зелёный. Я думаю: “Боже мой, откуда? Холодно-то как! Неужели улетел у кого-то! Ведь околеет!”

Не слушаю весь этот слюнявый бред, я рассматривал сына старушонки. Мужичок-то, кстати, ничего такой, приличенький. Свитерок на нём модный, я такой у одного телеведущего в программе видел. Носки без дырок. А главное, молчит. Нам одной трещотки уже хватит в доме.

Аська продолжала подробно рассказывать спасение зелёного:

— “Иди сюда, не бойся, я тебя не обижу! Замёрз небось!” — говорю я попугаю, а он только вертит головой и спускаться с ветки не собирается. Ну, я думаю, надо чем-то его прикормить. Пошарила руками в сумке, не заваялся ли какой-нибудь орешек или ещё что-то съестное, но ничего подходящего не попалося. И тут, к счастью, в кармане пальто нащупала несколько семечек. Протягиваю их попугаю и — о чудо! Он заинтересовался, весь распушился и, раскрыв клюв, спикировал мне прямо на руку. И пока он жадно эти семечки лущил, я его аккуратно прижала к себе и бегом домой.

— Не иначе, как судьба нас всех свела! — чуть не плача, воскликнула Людмила Петровна.

— К деньгам! — выкрикнул латиноамериканец.

— Золотце моё! — погладила его по головке старушка. — Отрада моя на старости лет! Внуков-то не дождёшься от этого бобыля!

— Мать, ну, хватит! Может, и дождёшься! — вымолвил Паша первый раз за весь вечер.

Я решил больше не терять ни минуты, пока эта “звезда” не загубила всё дело на корню! Вылез из-под стола, и, замурлыкав как можно ласковее, стал тереться о Пашины ноги. А потом и вовсе прыгнул ему на колени. Ну, он, конечно, немного опешил, но потом ничего, стал меня гладить и чесать за ушком. Ну, думаю, сработаемся!

— Ой, Павел, ну, это прямо фантастика какая-то! Рыжий вообще ни к кому на руки не идёт, мне-то с трудом удаётся его поймать и потискать — такой своевольный! А тут сам к вам на колени прыгнул!

— К деньгам! — заорал амазон.

Вот всё за тебя приходится делать, дурочка ты крашенная! Куй железо, пока горячо! Пашку надо за вечер охмурить так, чтоб он уже от нас не вырвался. Второго такого шанса может и не представиться!

— Ой, Асенька, я-то ведь вышла в магазин, так эклеров захотелось, прям сил нет, а форточку, видно, забыла закрыть. Прихожу — окно нараспашку, а соколика моего нет. Думала, сердце моё не выдержит! Умру без него! Ведь холод-то какой на улице был! Эклеры-то эти, проклятые, в горло не полезли! Чтоб им пусто было! — восклицала Людмила Петровна. — Ведь это ж последнее, что от мужа моего осталось! Он же мне этого попугая из рейса привёз, из самой Венесуэлы. Пашеньке тогда три годика всего было. Гошенька мой — как член семьи! Вот сынок выпорхнул из гнезда, хоть и живёт бобылем, а Гошенька со мной был всё это время. Как крикнет мне из кухни: “Стерва! Всю жизнь мне испортила!” — прям как муж мой! Даже интонация такая же, “р” грассирует, мне аж на душе легче становилось. Коленька-то хоть и ушёл, а вот голосок его до сих пор со мной!

Теперь пришла очередь моей Аське вздыхать и охать, прикладывая руку к сердцу от всей этой Гошкиной “Санта-Барбары”.

— Вот Павел-то мне и предложил напечатать объявление и развесить по району, а вдруг кто и поймал изумрудика моего! Ой, да у меня ведь и фотографии с собой есть! — потянулась к сумке Людмила Петровна. Она вытащила маленький потрёпанный альбом и, придвинувшись поближе к Асе, начала показывать снимки.

— Это первая фотография Гошеньки, совсем птенчик ещё. А Коленька, муж мой, тут в капитанской форме, молодой, красавец — кровь с молоком! А вот, Паша, глянь-ка, Гошенька у тебя на плече сидит, какой же это год-то? — Старушка вертела фото в руке. — Не написано, как так? Ноготок-то у него прямой на левой лапке, не путался он ещё в тюли той окаянной!

— Мать, ну, ты даёшь! Да это же я во втором классе, что ж ты не помнишь? — удивился Паша. — У меня ещё губа разбита, я тогда с велосипеда упал. С Митькой Ипатовым из соседнего дома поспорили, кто быстрее до продуктового доедет, а мне голубь вспорхнул прямо перед глазами, я заметался и в канаву улетел.

Людмила Петровна хлопала глазами, но вспомнить обстоятельства падения сына никак не могла.

— Не было такого! — выпалила она недовольно.

— Конечно, не было! С тобой спорить-то бесполезно! У тебя всё, что с изумрудиком твоим связано, — всё было, а со мной — одни выдумки и небылицы!

Я тут же усиленно начал урчать и тереться о Пашину грудь — не хватало ещё скандала. Нам дети нужны, а не перебранки! Слышал я от котов, что карапузики маленькие особенно вкусно пахнут, если в макушку носом уткнуться. Я тоже так хочу!

Паша начал чесать меня за ушком, понемногу успокаиваясь. Отвернувшись от сына, Людмила Петровна обратилась к Асе:

— А вы что же, одна тут живёте?

— Да, мне родители квартиру эту подарили на совершеннолетие. Вот так и живу здесь с Рыжим, работаю, в марафонских забегах участвую, театр люблю, книги читать.

— Книги я тоже обожаю. Ой, что-то мы засиделись у вас, Асенька, вы уж нас простите! Пора нам и честь знать! А то вон, Пашенька, завтра на рыбалку собирался, рано вставать.

Ёлки-палки, ещё и рыбак, мужик-то вообще золотой! Господи, неужели до рыбки доживу? Аська, не будь дурой, хватай, пока не занят! Пока мама-ша сажала попугая в клетку, я тёрся между Аськой и Пашей. Ну же, женщина, скажи ему хоть что-нибудь, не молчи, как истукан! Скромность, конечно, украшает, но не до такой же степени! И тут котский бог услышал мои молитвы!

— Людмила Петровна, Павел, мне так понравился сегодняшний вечер, вы такие интересные, весёлые люди, давайте дружить!

Людмила Петровна довольно улыбнулась и проскрипела:

— Асенька, спасительница наша, конечно, приходите теперь вы к нам в гости в следующую субботу! Я и пирог испеку с земляничным вареньем!

Как только захлопнулась дверь за гостями, Ася опустила на банкетку в прихожей. Блаженная улыбка не сходила с её губ. Я тут же запрыгнул ей на колени и приветливо заурчал.

— Рыжий, да что с тобой такое сегодня творится? Я тебя не узнаю!

Эх, женщина, какой день! И курицу зелёную назад втюхали, и мужика тебе нашли. Ну, не счастье ли? Вот теперь, кажись, всё будет хорошо!

Ну, хватит нежностей на сегодня, пойду-ка лучше Жоржика погоняю по комнате.

ШУРОЧКА

В небольшой бархатной коробке хранятся сокровища. Это всё, что осталось от Шурочки, не считая воспоминаний, конечно. Поцарапанная чёрная шпилька, которой она каждое утро закалывала длинный пучок из жиденьких седых волос на голове, крошечный деревянный футляр с масляной эссенцией “Болгарская роза” и каменный голубой жук скарабей. Я даже не знаю, пользовалась ли она когда-нибудь этой эссенцией, она просто была, и всё. Золотые серьги с большим сиреневым аметистом, которые она никогда не снимала. А в первом ящике серванта, в зелёной коробочке — большой перстень из того же комплекта, который она никогда не надевала. Зато я часто примеряла его то на один палец, то на другой и бережно клала обратно.

Дед называл её Шурочкой, а она его — Горкой. Егорка-Горка — любила склонять я в детстве. Крепкая телосложением, боевая, она радовалась каждому мгновению жизни, несмотря ни на что. В уголках её смеющихся глаз таилось много морщин. Жизнь Шурочки не была простой, я часто думала, глядя на неё: “За что тебе досталось всё это? Разве ты кому-то желала плохого?” Но на этот вопрос ответа нет, да и не будет.

Шестой ребёнок в семье, единственная дочка, казалось бы, живи да радуйся — столько защитников вокруг. Всех забрала война. Шестнадцатилетней девчонкой она влюбилась в простого рязанского парня, накинула себе два года в паспорте, чтоб выйти поскорее за него замуж. Как уж у неё это вышло — одному Богу известно. Война не пощадила и его. Нет,

он остался жив, вот только сразу же попал в плен. Шурочка с дочкой считали его погибшим, а он неожиданно вернулся в сорок шестом. Большой, побитый, измученный, вместо среднего пальца — лепёшка без ногтя. Было чудом, что он вообще остался в живых, его сломали не только физически, но и морально.

Шурочка тащила семью, как могла: работала официанткой в аэропорту, занималась строительством дома. Чего ей это стоило? Я даже не могу представить, но этот дом жив до сих пор и хранит её тепло. Когда Шурочка взяла нас к себе жить, отдала свою большую комнату, сама же ютилась в крошечной каморке с больным мужем. Дед сильно хворал: еле-еле волочил ноги, почти ничего не слышал, вставная челюсть приносила ему одни мучения. Я заставляла его учить английский и писать диктанты. До сих пор у меня хранится линованный кусочек пожелтевшей бумаги с его каракулями, выведенными рукой с огромной лепёшкой вместо пальца. И моя двойка в углу. Стыдно сейчас даже вспомнить, как я требовала от него идеального произношения английских слов.

— The table! — учила я его.

— Зи тбл... — бормотал он в ответ.

— Нет, дед, совсем не так. The table! Язык между зубов. Вот смотри, как надо. — The-e-e-e-e-e-e-e. — И я демонстрировала ему кончик языка, притаившийся между ровными рядами детских зубов.

— Фе тбл... — выдавал он, брызгая слюной. Язык заплетался, с протезом он всё время шепелявил, не говоря уже о том, что, скорее всего, даже и не слышал того, что от него хотят. Я настаивала. Он старался. Как дед терпел меня, я не знаю.

Однажды я не выдержала и треснула деду луковицей по лбу. Ненавижу извиняться. Отец заставил меня, сказав, что я не выйду из комнаты, пока дед меня не простит. Я долго мялась, смотрела в пол, потом разглядывала стены и потолок, и вот, наконец, когда смогла выдать из себя еле слышное “прости”, он ответил:

— Нет! — и лукаво улыбнулся.

— Как нет? — ошарашенно пролепетала я.

— А так! Нет, и всё! — сказал он, как отрезал.

В тот день я долго просила у него прощения. Видимо, он решил отомстить мне за английский.

— Прости меня, дед! Прости! Ну, прости же!

— Горка, ну, она же ребёнок! — открывая дверь в комнату, восклицала Шурочка.

— Не прощу. Меня, ветерана войны, луковицей по лбу!

Шурочка закрывала дверь и показывала ему кулак.

И только на следующее утро он сказал:

— Ладно, так уж и быть — живи, прощаю!

Радости моей не было предела.

Тайком от Шурочки он крался за угол сарая покурить, а я стояла на стёме. Докурив однажды очередную папиросу “Беломорканал”, он готов был уже выбросить окурок.

— Дед, дай попробовать. — прошептала я.

— На! — протянул он мне недокуренную папиросу.

Я с радостью затянулась и разразилась безудержным кашлем. Он только тихо смеялся и грозил мне пальцем.

Шурочка всегда делала заготовки на зиму, а я очень любила собирать малину. Вдоль просеки — густые заросли. Колючие ветки клонятся от тяжёлых пахучих ягод. Те, что потемнее, в рот, а покраснее можно и в бидон кинуть, всё равно Шурочка сахаром засыплет. Прижмешь спелую ягоду языком, сок брызнет, лепота!

Потом мы с Шурочкой вместе сидели на террасе, залитой солнечным светом и, высывав небольшие горки на стол, ловко перебирали ягоды от листьев и мелкого сора. Я больше всего любила именно эти моменты, такие тёплые и душевные. Не малина, так черника, не черника, так грибы — мы всегда находили повод побыть вместе и поговорить.

— Шурочка, а ты мне скарабея голубенького подаришь? — пыталась я выклянчить давно облюбованного жучка.

— Ну, вот ещё! Он мне счастье приносит, а ты и без жука этого заморского вон какая счастливая. Эх, Настя, радуйся, что война вас не коснулась. Вот где горе-то!

— Сегодня, кстати, футбол! Дед смотреть собирается, — подмигнула я Шурочке.

— Я ему посмотрю! Провод спрячу — будет ему футбол!

И ведь, действительно, прятала, и не один раз.

Шурочка с мужем всё время ругались. Я не понимала — почему? Ребёнку сложно осознать, что пожилые люди со своими болячками и проблемами вынуждены находиться в крошечном помещении и терпеть друг друга. Дед всё время мёрз, Шурочка даже зимой спала с открытой форточкой. Я боялась ходить в школу — вдруг они поругаются без меня. Шурочка цепляла его, придираясь ко всему. Мы даже не догадывались, в чём была истинная причина её обид.

Однажды утром дед пропал. Взял документы и, сказав, что едет в Москву лечить зубы, вышел из дома. Он не вернулся ни к обеду, ни к ужину. Шурочка ходила с ума.

— Да с друзьями скорее всего засиделся, выпил и завтра утром придёт, — утешала её дочка.

Дед не вернулся и утром. Живым мы его больше не видели. Деда опознали только по сплюсненному пальцу. Он действительно пошёл на железнодорожную станцию, чтобы поехать в Москву, но попал под электричку.

Тот момент, когда Шурочка узнала об этом, я не забуду никогда. Она каталась по полу с криками: “Горка, что же ты наделал?” Шурочка не видела и не слышала никого, она билась в истерике. Тогда я вдруг осознала, насколько сильно она его любила все эти годы, хотя упорно скрывала свои чувства.

Только после похорон Шурочкина племянница нам по секрету рассказала, что у деда на фронте была женщина, Шурочка узнала об этом, смирилась, но простить не смогла. Она хранила эту семейную тайну и унесла её с собой в могилу.

После смерти мужа Шурочка сильно сдала. О той болезни, что скосила её, мы даже никогда не слышали. Миастения — ослабление мышц. И всё от нервов. Она всегда за всех переживала, не только за узкий круг своей семьи, за племянник, за двоюродных сестёр и братьев, за тёток и дядек, за крёстных, за седьмую воду на киселе. Все проблемы она принимала настолько близко к сердцу и всем сопереживала, что однажды просто не выдержала. Смерть её Горки оказалась последней каплей. Шурочка угасала на глазах, мышцы слабели с каждым днём всё больше и больше, а горсти таблеток уже не могли облегчить её страданий. Она задыхалась, не могла ходить и вставать самостоятельно по ночам, но при этом всегда спрашивала:

— Чем помочь по дому?

Мне было больно на неё смотреть. За что она так мучилась? За что эта женщина, которая всю свою жизнь помогала всем, кому только могла и чем могла, заслужила такие страдания?

Обычно на лето мы уезжали с ней на дачу в Тверскую область, в тот год Шурочку везли туда первой. В доме начинался ремонт, а у меня предстояли выпускные экзамены в школе.

Шурочка стояла у машины, опираясь на трость, и, тяжело дыша, сказала мне:

— Настя, я больше сюда не вернусь. Мы не увидимся.

— Да перестань, я сдам экзамены и тут же приеду к тебе. Тут стройка, а там дом на берегу озера, свежий воздух, тебе станет гораздо лучше.

По её щеке покатились слеза.

— Нет, Шурка, каюк! — только и сказала она.

А я, поцеловав её в щеку, помахала рукой вслед удаляющейся машине и побежала готовиться к математике.

После экзамена я позвонила родителям сказать, что всё написала и собираюсь ехать домой. Отец долго молчал в трубку, а потом тихо сказал.

— Бабушка умерла.

Я даже вначале не поняла смысл услышанного, не приняла это близко к сердцу. Но потом осознание страшного обрушилось на меня лавиной. Я не помню, как доехала до дома, ревела навзрыд всю дорогу. Пассажиры электрички косо поглядывали на меня, но подойти и спросить, в чём дело, не решились.

О чём я жалела больше всего в тот момент? Что не смогла обнять её в последний раз. Я много раз прокручивала в голове наше прощание. Могла ли я тогда что-то сделать или изменить? Не знаю.

Той ночью мне приснился сон. Я бегу по зелёному полю, а навстречу мне идёт Шурочка с распростёртыми руками для объятий. Она такая, какой была ещё до болезни: жизнерадостная, весёлая, с искрящимися серыми глазами, в голубом длинном халате в белую ромашку, с пучком седых волос на голове, в бордовых клетчатых тапочках. Я подбегаю к ней и обнимаю крепко-крепко, и запах её особенный вперемешку с ароматом свежевыстиранного и отглаженного белья, которое она непременно кипятила в огромном баке, невозможно забыть. Я чувствовала его тогда в последний раз, и тепло её, и быющее сердце в груди.

Уже прошло двадцать два года со дня смерти Шурочки, но даже сейчас, когда я пишу эти строки, слёзы катятся по моим щекам. Я любила её больше всех на свете, и она меня тоже. А перстень, тот самый, с сиреневым аметистом, сверкает теперь на моём указательном пальце.

В ГОРОДЕ НА НЕВЕ

— А Шпалерная улица далеко от центра?

— Смотри что считать центром, — задумчиво повисло на другом конце трубки, — ты с какой целью интересуешься?

— Подружка зовёт на майские в Питер, вот смотрю, где бы остановиться. Хотелось бы рядом с Невским, что-то уютное, — срывающимся голосом пробормотала она, нервно теребя серёжку в ухе.

— Я тебя встречу.

— Не стоит, я не одна.

— Просто напиши номер поезда и время, — сказал он и отключил телефон.

Они не разговаривали больше года. Ольга листала забытые папки в стареньком ноутбуке, скорее даже не забытые, а намеренно спрятанные в самый дальний угол, чтоб не маячили на рабочем столе. Открыть эту папку, словно откинуть крышку старого сундука. Она шмякнется назад с глухим стуком, и вся накопившаяся пыль забвения окутает с головы до ног, проникнет в каждую клеточку сознания, и так просто вытравить её не получится, уж Ольга-то знала.

— Саша, — закрыв глаза, тихо выдохнула она, — почему твоё имя такое мягкое, как тёплый и уютный плед, в который хочется завернуться с головы до ног?

Они познакомились года два назад на форуме. Огромные павильоны, толпы людей, душные конференц-залы, все куда-то спешат, гадают, толкуются. К вечеру Ольга сходила с ума от этой суеты, с натянутой улыбкой появлялась на банкете и сбегала через полчаса в маленький гостиничный номер. Укутывалась в покрывало и, сидя на широком подоконнике, любовалась Мойкой, так усердно облизывающей свои гранитные берега после каждого проходящего катера.

В последний вечер сбежать не получилось, Ольга стояла у столика с бокалом красного вина в одиночестве, листала бесцельно папки в телефоне, то и дело поглядывала на часы.

Вдруг на экран опустилась визитка:

“Альянс Лизинг”. Александр Костров

— Можно украсть вас у телефона на несколько минут? — спросил высокий брюнет.

Он украл её до утра. Бродили по улочкам ночного Петербурга, Александру очень хотелось провести эту зеленоглазую девушку по родным местам своего города, забраться на облюбованную с детства крышу и смотреть, как грузные пароходы неспешно тянутся через раскинувший свои объятия мост. Она едва не опоздала на утренний поезд. “Сапсан” мчался в Москву, а Ольга сладко спала, закутавшись в мягкий плед.

Он прилетел через месяц. Теперь бродили по улочкам Москвы, кажется, она никогда так много не гуляла по своему родному городу. Живописный Арбат, какой-то дурацкий японский фильм в маленьком и душном зале “Художественного”, освежающие брызги фонтанчика у церкви, где венчался Пушкин, Малая Бронная и белоснежные лебеди на Патриарших прудах — сейчас всего уж и не вспомнишь.

Провожая его на перроне вокзала, она плакала, а губы беззвучно шептали слова: “Останусь снегом на щеке, останусь светом вдалеке, я для тебя останусь — светом”.

Так пролетел год. Ольге казалось, что она жила только этими поездками, оставшееся время просто существовала. Безумная радость долгожданных встреч сменялась диким отчаянием разлуки. Она не могла переехать в Питер, он отказывался жить в Москве. Ольга купила билеты на концерт его любимой группы, он не приехал. Она ждала его на свой день рождения, он так и не появился. Позвонив Саше на следующий день, сказала, что так больше не может продолжаться, он согласился и пропал.

Они не разговаривали больше года, а “Сапсан” снова мчал её в город на Неве. Пальцы нервно крутили кольцо, а четыре часа в пути казались нестерпимой вечностью.

Саша ждал её на перроне. Уткнувшись в Ольгины длинные волосы, он тихо шептал ей на ухо:

— “Останусь пеплом на губах, останусь пламенем в глазах, в твоих руках дыханьем ветра, останусь снегом на щеке, останусь светом вдалеке, я для тебя останусь — светом”.